

Аравийское море. В пяти милях к югу от побережья Пакистана на реке Инд. 02:15 по местному времени...

«А это обремененный корабль, скрытый...» — думал Мур, стоя возле рубки быстрого штурмовика ОСА-1 Кувват.

Корабль был построен на верфи и инженерных работах Карачи по старому советскому проекту, в комплекте с четырьмя ракетами класса «земля-земля» НУ-2 и двумя спаренными 25-миллиметровыми зенитными орудиями. Три дизельных двигателя и три вала двигали патрульный катер длиной сто тридцать футов со скоростью тридцать узлов по волнам, отливающим серебром в свете четверти луны, мерцающей низко над горизонтом. Запуск на «затемненном корабле» означал отсутствие огней дальности или топовых мачт, никаких ходовых огней по левому или правому борту.

Международные правила по предотвращению столкновений на море («COLREGS») диктовали, что в случае возникновения инцидента, Кувват будет виноват независимо от обстоятельств.

Ранее вечером, в сумерках, Мур шел по пирсу Карачи с младшим лейтенантом Сайедом Маллаахом, сопровождаемый четырьмя рядовыми, командой «специальных операций» из Пакистанской группы специальной службы ВМС («АПЛ»), организации, подобной морским котикам США, но, кхм, их операторы были едва ли столь же способными.

Оказавшись на борту Куввата, Мур настоял на быстрой экскурсии, которая закончилась беглым знакомством с командиром, лейтенантом Максудом Каяни, который отвлекся, отдавая приказ покинуть порт. Командир не мог быть намного старше Мура, которому самому было тридцать пять, но на этом сравнения заканчивались. Широкие плечи Мура резко контрастировали с худощавым телосложением велосипедиста Каяни, которое едва скрывало его форму. У лейтенанта был крючковатый нос, и если он брился на прошлой неделе, не было явных доказательств.

Несмотря на его суровую внешность, он пользовался предельным вниманием и уважением команды из двадцати восьми человек. Он говорил. Они прыгнули.

— Добро пожаловать на борт, мистер Фредриксон. — в конце концов Каяни крепко пожал руку Муру и сказал.

— Благодарю вас, лейтенант. Я ценю вашу помощь.

— Конечно.

Они говорили на урду, национальном языке Пакистана, который Муру было легче выучить, чем дари, пушту или арабский. Для этих пакистанских моряков он был идентифицирован как «Грег Фредриксон!», американец, хотя его более темные черты лица, густая борода и длинные черные волосы, теперь собранные в хвост, позволяли ему при желании сойти за афганца, пакистанца или араба.

— Не беспокойтесь, сэр. — лейтенант Каяни продолжал. — Я планирую прибыть в пункт назначения быстро, если не раньше. Название этой лодки означает доблесть, и она воплощает в себе все это.

— Выдающийся.

Пойнт Фокстрот, зона рандеву, находится в трех милях от побережья Пакистана и недалеко от

дельты реки Инд.

Там они встретятся с индийским патрульным катером «Эгрей», чтобы принять пленного. Индийское правительство согласилось выдать недавно захваченного командира талибов Ахтера Адама, человека, который, как они утверждали, был ценной целью с оперативной разведкой сил талибов, расположенных вдоль южной линии афгано-пакистанской границы. Индейцы считали, что Адам еще не предупредил свои силы о своем пленении; он просто пропал без вести на двадцать четыре часа. Тем не менее, время имело решающее значение.

Оба правительства хотели убедиться, что талибан не был предупрежден о том, что Адам попал в руки американцев. Следовательно, в операции по переброске не использовались никакие американские военные средства или силы — за исключением некоего офицера ЦРУ по военизированным операциям по имени Максвелл Стивен Мур.

По общему признанию, у Мура были опасения по поводу использования группы безопасности из парней «АПЛ» во главе с молодым, неопытным младшим лейтенантом; однако во время инструктажа ему сказали, что Маллаах, местный парень из Тэтты в провинции Синд, был отчаянно лоялен, пользовался доверием и большим уважением. В книге Мура были заработаны лояльность, доверие и уважение, и они увидят, готов ли молодой младший лейтенант принять вызов.

Работа Маллаа была, в конце концов, элементарной: наблюдать за переводом и помогать защищать Мура и заключенного.

Предполагая, что Ахтер Адам благополучно добрался до борта, Мур начнет допрашивать его во время обратного пути к пирсу Карачи. Со своей стороны, Мур использовал бы это время, чтобы определить, действительно ли командир был «высокозначимой целью», заслуживающим серьезного внимания ЦРУ, или кем-то, кого можно оставить пакистанцам для игр.

Перед лучом левого борта черноту прорезали три быстрые белые вспышки с маяка Туршианского устья, охраняющего вход в реку Инд. Последовательность повторяется каждые двадцать секунд. Дальше на восток, ближе к носу, Мур засек одиночную белую вспышку от маяка Кайхар Крик, и эта вспышка повторялась каждые двенадцать секунд. Вращающийся маяк с закрытым лучом на часто оспариваемом Каджар-Крик (он же «Сирский крик лайт») был расположен на пакистано-индийской границе. Мур обратил особое внимание на названия маяков, местоположения и идентифицирующие их последовательности вспышек из навигационных карт, развернутых во время брифинга. Старые привычки тюленя умирали тяжело.

Учитывая заход Луны в 02:20 и пятидесятипроцентную облачность, он ожидал, что для встречи в 03:00 будет крошечная тьма. Индейцы тоже бежали на темном корабле. В крайнем случае, маяки Туршианского устья и ручья Кайхар помогут ему ориентироваться.

Младший лейтенант Каяни остался верен своему слову. Они достигли пойнт Фокстрот в 02:50, и Мур переместился по рубке к единственному доступному прибору ночного видения, установленному по левому борту. Каяни уже была там, управляя прицелом. Тем временем Маллаах и его команда ждали на главной палубе, в миделе, чтобы переправить пленника, как только индийское судно подойдет к борту.

Каяни отступила от ночного прицела и предложила его Муру. Несмотря на сгущающиеся тучи, звездный свет давал достаточно фотонов, чтобы окутать индийский патрульный катер класса «Паук» зелеными жуткими сумерками, достаточно яркими, чтобы различить цифры «36»,

нарисованные на его корпусе. Приближающийся вплотную, в два раза тяжелее Куввата, пятисоттонный «Эгрей» нес на носу восемь ракет класса «земля-воздух» Грааль и две противолодочные ракетные установки «RBU-1200». Каждая десятирубная система была способна разворачивать приманки и противолодочные ракеты для операций «земля-земля» и противолодочной обороны.

Кувват чувствовал себя ничтожеством в ее присутствии.

Когда «Эрей» начал дрейфовать вдоль левого борта и приготовился приблизиться, Мур заметил, что его имя, написанное черными буквами на корме, возвышается над туманом, взбаламученным носовым течением. Затем он посмотрел через дверь рубки на крыло мостика по правому борту и уловил короткую-длинную, короткую-длинную вспышку света. Он попытался вспомнить, какой маяк использовал эту световую последовательность. «Эгрей» завершил свой поворот, и Каяни теперь была занята, перегнувшись через левый борт, направляя размещение крыльев, чтобы минимизировать любые повреждения корпуса, когда два корабля сойдутся вместе.

Вспышки появились снова: короткие-длинные, короткие-длинные.

«Мать моя женщина...» — подумал Мур.

«Альфа-альфа» была международной азбукой Морзе, означающей, на практике: «Кто ты, черт возьми, такой?».

— Лейтенант, мы получаем команду «альфа-альфа» по правому борту. — по спине Мура пробежал холодок. — Нам бросают вызов!

Каяни бросился через рубку к правому крылу, а Мур поспешил за ним.

Сколько раз им уже бросали вызов? Они находились в территориальных водах Пакистана; каковы были пакистанские правила ведения боевых действий?

Над головой вспыхнула сигнальная ракета, разогнав ночь и отбросив глубокие тени на палубы обоих патрульных катеров. Мур посмотрел на море и увидел его в тысяче метров от нас, поднимающегося из волн, кошмар с внушительными черными парусами и тускло-черными палубами, полностью затопленными, когда он прорвался, его нос был направлен на них. Командир поднял подлодку на поверхность, чтобы бросить им вызов, затем выпустил сигнальную ракету, чтобы визуально подтвердить свою цель.

— Это Шушук! Она одна из наших. — Каяни поднял бинокль, висевший у него на шее, и увеличил изображение. — Она должна была вернуться на пирс!

«Какого черта подводная лодка ВМС Пакистана делала в его зоне рандеву?» — грудь Мура сжалась.

Он вытянул шею в сторону «Эгрей», где предположил, что к этому времени пленник талибов был на палубе. Согласно плану, Адам был одет в черный комбинезон и тюрбан, а его запястья были связаны. Предполагалось, что его сопровождают два вооруженных до зубов маркоса, или командос морской пехоты, из ВМС Индии.

Мур развернулся лицом к подводной лодке... и затем, внезапно, он увидел это — фосфоресцирующую линию, пузырящуюся в воде и проносящуюся мимо их кормы, направляясь к «Эгрею».

— ТОРПЕДА! — указал он.

На следующем дыхании Мур подошел к Каяни сзади, толкнул его за борт, затем прыгнул сам, когда торпеда ударила в «Эгрей» ужасающим взрывом, грохот и вспышки которого были столь же сюрреалистичными, сколь и шокирующе близкими. Взрывная волна обломков отскочила от корпуса Куввата и дождем посыпалась вниз, разбившись о воду десятками брызг. Глаза Мура расширились, когда на них надвигалось дымящееся, шипящее море, теперь раскаленное добела осколками корпуса, палубы и торпедами, которые продолжали вылетать из «Эгрея».

Когда он упал в воду, едва не задев зазубренный кусок стали, огненный шар взорвал ракеты класса «Земля-воздух» Граали «Эргея» и обе группы противолодочных ракет на ее носу.

Мур погрузился под волны, его ботинки столкнулись с чем-то внизу. Он выплыл обратно на поверхность и завертел головой в поисках лейтенанта. Он был там, просто вне досягаемости.

Внезапно три противолодочные ракеты «Эгрей» попали в ракетные корпуса «Сликворм» на борту «Кувват». В результате взрывы прогремели так громко и ярко, что Мур рефлекторно нырнул обратно под воду в поисках укрытия. Он подплыл к лейтенанту, который плавал навзничь и казался лишь в полубессознательном состоянии, его лицо было окровавлено из глубокой раны вдоль левой стороны головы. Должно быть, он наткнулся на какие-то обломки, когда входил в воду. Мур вынырнул из-за плеча мужчины.

Он плеснул соленой водой на рану, пока Каяни рассеянно смотрел на него.

— Лейтенант! Вперед!

В тридцати метрах от нас поверхность моря была в огне от горящего дизельного топлива. Зловоние заставило Мура поморщиться, так как он впервые почувствовал глубокий гул дизельных двигателей... подводной лодки. У него было немного времени. Подлодка не приближалась к обломкам, пока пламя не утихло.

Другие люди были в воде, едва различимые, их крики прерывались новыми взрывами. Неподалеку раздался сдавленный крик. Мур осмотрел местность в поисках пленного талибана, но два громовых раската другого взрыва отправили его обратно под волны. Когда он вынырнул и повернул обратно, «Кувват» уже сильно кренился на левый борт, готовясь затонуть. Носовая часть «Эгрей» была полностью погружена в воду, пожары и густой черный дым все еще бушевали, боеприпасы вылетали с резкими тресками и наполовину приглушенными взрывами. Воздух наполнился дымкой, от которой несло горелой резиной и пластиком.

Желая привести себя в состояние спокойствия, когда жар пожаров давил на его лицо, Мур снял ботинки, связал шнурки вместе, затем повесил их на шею.

«Три мили до пляжа... — прямо сейчас, так низко в воде, он понятия не имел, где находится пляж. За исключением пламени, куда бы он ни посмотрел, везде была чернильная тьма, и каждый раз, когда он смотрел в сторону пожара, его ночное зрение было испорчено. — Вспышка-вспышка-вспышка. Подождите минутку. — он вспомнил. Он начал считать... — ... одна тысяча, две тысячи...»

В девятнадцать он был вознагражден еще тремя быстрыми вспышками. У него был замок на маяке Туршианского устья.

Мур схватил Каяни и перевернул его. Все еще теряя сознание, лейтенант бросил один взгляд на Мура, на пожары вокруг них и запаниковал. Он протянул руку, схватив Мура за голову.

Очевидно, что этот человек не мыслил здраво, и такое поведение не было редкостью среди жертв несчастных случаев. Но если бы Мур не отреагировал, безумный лейтенант мог легко утопить его.

Без паузы Мур положил обе руки на переднюю часть бедер Каяни, прижав ладони к телу мужчины, вытянув пальцы, большими пальцами обхватив бока лейтенанта. Он толкнул Каяни обратно в горизонтальное положение, используя этот рычаг, чтобы ослабить хватку мужчины.

— Расслабься! — Мур высвободил голову и закричал. — Я поймал тебя! Просто повернись и дыши. — Мур схватил его сзади за воротник. — Теперь плыви на спине.

С человеком в ошейнике на буксире Мур начал модифицированный боевой обход вокруг горящих обломков, лужи горящего дизеля начали набухать в их сторону, его уши жгло от непрерывного грохота и гула плевков и хлещущего пламени.

Каяни успокоился, пока они не прошли через полдюжины тел, членов его команды, теперь просто еще больше обломков.

Он выкрикивал их имена, и Мур пнул сильнее, чтобы отогнать их. Тем не менее, море стало более ужасным, рука здесь, нога там. И затем что-то темное в воде впереди. Там плавает тюрбан. Тюрбан заключенного. Мур остановился, вытягивая шею вправо и влево, пока не заметил безжизненную фигуру, качающуюся на волнах. Он подплыл к нему, откатил тело в сторону, чтобы увидеть бородатое лицо, черный комбинезон, ужасную рану на шее, которая перерезала сонную артерию. Это был их парень.

Мур стиснул зубы и поправил хватку на ошейнике Каяни. Прежде чем стартовать, он посмотрел в направлении подводной лодки. Этого уже не было.

Когда он был морским котиком, Мур мог проплыть две океанские мили без ласт менее чем за семьдесят минут. Таскание за шиворот другого человека могло замедлить его, но он не позволил этому испытанию сокрушить его дух. Он сосредоточился на маяке, продолжал дышать и брыкаться, его движения были плавными и грациозными, энергия не расходовалась впустую, каждое движение руки и трепет ног направляли силу туда, куда она должна была направляться. Он поднимал голову, украдкой переводил дыхание и продолжал плыть с точностью машины.

Крик откуда-то сзади заставил Мура замедлиться. Он греб вокруг, прищурившись в сторону небольшой группы мужчин, десять-пятнадцать, возможно, плывущих к нему.

— Просто следуйте за мной! — крикнул он. — Следуй за мной.

Теперь он не просто пытался спасти Каяни; он обеспечивал мотивацию для остальных выживших, чтобы добраться до берега. Это были моряки, обученные плавать, и плавать упорно, но три мили были ужасно длинным путем, особенно с травмами. Им нужно было держать его в поле зрения. Молочная кислота накапливалась в его руке и ногах, сначала ожог был устойчивым, затем угрожал усилиться. Он замедлился, потряс ногами и одной рукой, которую использовал, сделал еще один вдох и сказал себе: «Я не сдамся. Никогда».

Он сосредоточился бы на этом. Он будет вести с фронта, отведет остальных этих людей домой — даже если это убьет его.

Он вел их через вздымающееся и опускающееся море, удар за мучительным ударом, прислушиваясь к голосам прошлого, голосам инструкторов и прокторов, которые посвятили

свои жизни тому, чтобы помогать другим высвобождать дух воина, глубоко дремлющий в их сердцах.

Примерно через девяносто минут он услышал шум прибоя, разбивающегося о береговую линию, и с каждым набегавшим валом он видел, как по всему пляжу двигаются и подпрыгивают фонарики. Фонарики означали людей. Они спустились, чтобы посмотреть на пожары и взрывы у берега, и, возможно, даже увидели его. Тайная операция Мура вот-вот должна была попасть в заголовки газет. Он выругался и оглянулся. Группа выживших отошла намного дальше назад, метров на пятьдесят или больше, не в состоянии поспевать за стремительным темпом Мура.

Теперь он едва мог их видеть.

К тому времени, когда его босые ноги коснулись песчаного дна, Мур был истощен, оставив все, что у него было, в Аравийском море. Каяни все еще входил и выходил, когда Мур вытащил его из прибоя и вытащил на пляж, когда пять или шесть жителей деревни собрались вокруг него.

— Зови на помощь! — крикнул он.

Вдалеке продолжались языки пламени и вспышки, похожие на тепловые молнии, которые оставляли негативную печать на облаках, но силуэты обоих кораблей теперь исчезли, оставив оставшееся топливо продолжать гореть. Мур вытащил свой мобильный телефон, но он разрядился. В следующий раз, когда он планировал подвергнуться нападению подводной лодки, он обязательно взял бы водонепроницаемую версию. Он попросил у одного из жителей деревни, парня студенческих лет с жидкой бородкой, телефон.

— Я видел, как взрывались корабли. — сказал малыш, затаив дыхание.

— Я тоже. — огрызнулся Мур. — Спасибо за телефон.

— Отдай это мне. — крикнул Каяни с пляжа, его голос дрогнул, но теперь он казался гораздо более ясным. — Мой дядя — полковник армии. Он доставит нам вертолеты сюда в течение часа. Это самый быстрый способ.

— Тогда возьми это. — сказал Мур.

Он читал карты, знал, что они были в нескольких часах езды на машине от ближайшей больницы. Место встречи намеренно было расположено напротив сельской, малонаселенной береговой линии.

Каяни дозвонился до своего дяди, который, в свою очередь, пообещал немедленную помощь. Второй звонок командиру Каяни вызвал бы спасательные суда береговой охраны для тех, кто все еще в море, но у береговой охраны Пакистана не было спасательных вертолетов «воздух-море», только корветы китайского производства и патрульные катера, которые прибудут не раньше середины утра. Мур снова обратил свое внимание на прибой, изучая каждую волну в поисках выживших.

«Пять минут. Десять. Ничего. Ни единой души.»

Судя по крови и частям тел, разбросанным по воде, как какое-то нечестивое рагу, можно было с уверенностью сказать, что пришли акулы. И быстро. Это, в сочетании с ранениями других выживших, возможно, было слишком для них.

Прошло еще полчаса, прежде чем Мур заметил первое тело, поднимающееся на волне, как кусок плавника. За ними последуют многие другие. Прошло больше часа, прежде чем Ми-17 появился в небе на северо-западе, его двойные турбины ревели, его роторы стучали и эхом отражались от склонов холмов. Вертолет был специально разработан Советами для войны в Афганистане и стал символом этого конфликта: небесные голиафы, убитые выстрелами из рогаток. На вооружении пакистанской армии было почти сто Ми-17 — тривиальная деталь, которую Мур знал, потому что он несколько раз был пассажиром на их борту и подслушал, как пилот жаловался на то, что ему приходится летать на русской куче хлама, которая ломалась при каждом втором полете, и что у пакистанской армии было почти сто летающих свалок.

Слегка взволнованный, Мур сел в Ми-17 и был доставлен вместе с Каяни в правительственную больницу Синда в городе Лиакуатабад, пригороде Карачи. В пути летные медики ввели обезболивающее, и гримаса широко раскрытых глаз Каяни сменилась более мирным взглядом.

К тому времени, когда они приземлились, уже рассвело.

* * *

Мур вышел из больничного лифта на втором этаже и нырнул в палату Каяни. Они были в больнице уже около часа. У лейтенанта был бы хороший боевой шрам, который помог бы ему перепихнуться. Оба мужчины были сильно обезвожены, когда сошли на берег, а в левую руку лейтенанта была воткнута капельница.

— Как ты себя чувствуешь?

— У меня все еще болит голова. — Каяни протянул руку и коснулся повязки на голове.

— Это пройдет.

— Я не смог бы доплыть обратно.

— Тебя сильно ударили, и ты потерял немного крови. — Мур кивнул.

— Я не знаю, что сказать. Благодарности недостаточно.

Мур сделал большой глоток из бутылки с водой, которую дала ему одна из медсестер.

— Эй, забудь об этом.

Движение в дверях привлекло внимание Мура. Это был Дуглас Стоун, коллега из агентства, который погладил свою пятнистую седую бороду и уставился на Мура поверх оправы очков.

— Я должен идти. — сказал Мур.

— Мистер Фредриксон, подождите.

— Есть ли способ, которым я могу связаться с вами? — Мур нахмурился.

— Конечно, почему?

— О-о-ох, он в порядке. Хороший друг. — Каяни посмотрел на Стоуна и поджал губы.

— Я просто хочу поблагодарить вас... каким-то образом. — лейтенант колебался еще несколько секунд, затем сказал.

Мур использовал планшет и ручку на столике, чтобы нацарапать адрес электронной почты.

— Я буду на связи. — лейтенант крепко сжал бумагу в ладони.

— Хорошо. — Мур пожал плечами. Он направился в коридор, повернулся, затем решительно зашагал прочь от Стоуна, говоря сквозь зубы. — Итак, Даг, скажи мне... что, черт возьми, произошло?

— Я знаю, я знаю. — Стоун использовал свой обычный успокаивающий тон, но Мур не потерпел бы ничего подобного, не сейчас.

— Мы заверили индейцев, что место встречи будет свободным. Они должны были пересечь территориальные воды Пакистана. Они были очень обеспокоены этим.

— Нам сказали, что пакистанцы обо всем позаботились.

— Кто встревожил улей?

— Они говорят нам, что командир их подводной лодки не получал никаких приказов оставаться у пирса. Кто-то забыл их выпустить. Он совершал свой обычный патруль и думал, что попал в какое-то сражение. По его словам, он отправил несколько вызовов без ответа.

— Ну, не то чтобы мы искали его — а когда мы его увидели, было уже слишком поздно. — хихикнул Мур.

— Командир также сообщил, что видел, как индейцы брали пленных на их палубе.

— Значит, он тоже был готов стрелять в своих людей?

— Кто знает.

— Единственным пленником, который у них был, был наш парень. — Мур остановился как вкопанный, развернулся и уставился на мужчину.

— Эй, Макс, я знаю, к чему ты клонишь.

— Давай проплывем три мили. Тогда ты узнаешь.

— Послушай, могло быть хуже. — Стоун снял очки и потер глаза. — Мы могли бы быть Слейтером и О'Харой и должны были бы придумать, как извиниться перед индийцами, убедившись, что они не нанесут ядерный удар по Исламабаду.

— Это было бы здорово — потому что я сейчас направляюсь туда.